
Илья ЛУДАНОВ

БЕЛЫЙ ВОЛК

Повесть

Расходилось особенно мерзлое и хмурое в наших местах время года. Петр стоял возле своего квадратного пазика на площадке у автостанции. Вокруг только битый асфальт, скрежешут ржавые автобусы, туман. Он заглянул в салон: сидят двое, это сорок рублей. Он с трудом окупит бензин.

Петр достал старомодные часы с цепочкой, щелкнул крышкой. Еще несколько минут. С этими часами — целая история. Как-то зимой — ох, и заметало же в тот раз, а он только вышел на маршрут, боясь переметов и подснежной гололедицы — привелось подвозить ему старичка. В салоне больше никого, а этот — вылитый лесовичок, закутанный, в ушанке, одни хитрые глаза торчат. Старичок молчал всю дорогу, на Петра поглядывал и вдруг сошел на пустынной остановке, в полях, где и нет-то ничего, одна выюга беснуется. Петр повернулся к коврику, куда мелочь кидают, а там эти часы. Выскочил он в метель, обежал автобус — никого. Как корова языком... Стоит Петр, глазами хлопает. Ну, ей-богу, куда этот чертяка мог подеваться? Даже перекрестился с испугу. Потоптался Петр, отхватил еще заряд снега в лицо и покатил дальше.

На автостанции автобусы коптили выхлопными испражнениями. В ноябрьские беснежные холода выхлопные газы удушающе вонючи. Их тошнотворный сизый дым хотелось перебить. Петр вынул пачку «Беломора». Как водится, в двух местах смял папиросу крест-накрест — под губы и под пальцы — и закурил. Крепкий табачный дух глушил выхлопные газы. Мелькнула картинка из детства: тоже холод, пацанами-оборвышами, в жеваных куртках, без шапок, они сидят за школой в продрогших от изморози кустах, молча и глубоко затягиваясь, передают по кругу бычок «Беломора». Забавно, так мало от детства осталось в нем, и среди редкой памяти — вдруг это.

В автобусе сидела хмурая, как и погода, баба Зина, груженная рыночными покупками. В конец салона забился, прижавшись к стылому окну, с темным от щетины и похмелья лицом, Витя. Из окна, как из защитной крепости, он смотрел на улицу.

Рядом скрипнули тормоза, из «газели» подошел Валера.

— Здоров. Задымить найдется?

Петр протянул пачку.

— «Беломор», — усмехнулся Валера. — Еще делают.

Петр старался меньше говорить с людьми, точно говорить ему было не о чем. Одним взглядом спросил: как оно? Валера дернул плечами:

— Да ничего, — и помолчав: — Марина ушла.

Петр не ответил. Каждую неделю он слышал такое. Сходились и расходились, рожали и умирали, время в их городке, заброшенном среди лесов и полей, закручивалось

Илья Луданов родился в 1985 году в Тульской области. Окончил Литинститут им. А. М. Горького, семинары «прозы» Павла Басинского, Сергея Толкачева. Публиковался в сборниках премии «Дебют», в журналах «Сибирские огни» (рассказы), «Новый мир» (эссе), «Приокские зори» (рассказы), «Наш современник» (сборник премии «Мост Дружбы»).

глубже и дальше. Вот Валера. Девки с ним не уживались. С тех пор как он вышел, это вторая. Он не бил их. Погулять с ним разведенкам да вдовам было весело, а вот жить... Валера сел по глупости — выпили, подрались, попал одному по голове. Тот три месяца пролежал в больнице. Пришла жена — давай деньги на лечение, триста тысяч. Деньги оставались на вкладе матери, но отдавать ее накопления за битую морду... Жена пошла в суд. Там и рады — прокурор запросил три года, судья срезал до двух. Валера вышел — мать больная, на работу не берут. Через знакомого устроился водителем, теперь здесь перебивается.

Валера, морщась, курил, глядя в сторону.

— Ничего. Дураком не будешь — вытянешь, — Петр выбросил окурочек, шелкнул крышкой часов. — Пора, старик.

Он похлопал автобус по вымороженному земляной пылью боку, прыгнул в кабину, снял тормоз, похрустел передачей и вырулил с остановки. Мимо, покачиваясь, плыл город. Через квадратное зеркало Петр смотрел в салон: похмельный Витя сжался и косился из-за воротника в окно. Казалось, не улицы с цепочками прохожих и пятнами машин, а само время проплывало мимо него. Вите хотелось задремать в нагретом автобусе и отдохнуть, отдохнуть от всего. А просыпаться или нет, он решит, когда они приедут. Баба Зина обставилась пакетами, расселась на два места, как наседка, и поглядывала по сторонам, дергая головой. На людях она привыкла молоть языком, и теперь, когда говорить было не с кем, ее распирало от мелочного беспокойства. Наконец не выдержала и поернулась назад, насколько позволяла заплывшая шея:

— Как, Вить, мать-то?

Тот лениво очнулся от дремоты:

— Жива.

Баба Зина снова закрутила головой, будто искала чего, и стала говорить, словно всем:

— По магазинам огрузилась, еду. На деревне-то — ни молока, ни яиц. Все в городе теперь, — выбрав уровень тона, старушка сетовала на цены, погоду, порядки. — И все бегут, спешат куда-то. Не осталось никого. Хоть школа есть, да и то семилетка. В институты и училища уедут — и поминай как звали...

Петр заскрипел тормозами — на остановке, вопреки бабкиным причитаниям, вошли две девочки-школьницы.

— Садитесь, девчушки, садитесь, — баба Зина стала подгребать к себе сумки и пакеты.

Старшая протиснулась напротив нее и сказала подружке:

— Давай сюда.

Старушка радостно закопошилась в сумке и выудила щепотку конфет.

— Спасибо, мы не хотим, — вежливо отказалась старшая.

Девочки достали телефоны и стали листать экраны.

— Во дела... Мы бы в детстве за конфетину... а теперь одни интернеты... — закудала старушка.

За городом потянулись унылые лысые посадки, стылый в изморози бурьян и косяковые дачи. Все застыло в пробирающей до поджилок стуже. Прогретый автобус казался островом тепла, покидать который было опасно. Полотно асфальта то медленно скатывалось вниз, то поднималось вверх, и пассажиры оказывались то в болотистой низине, то на ветреном бугре. На спуске Петр увидел впереди густой туман — совсем молоко.

— Откуда ты взялся? — он включил дальний свет и сбавил ход.

— Что там, Петр Сергеевич? — вздернулась из-за перегородки баба Зина.

— Да вот, — Петр кивнул вперед, и они вползли в непроглядную беленую взвесь.

Липкая мгла раздвигалась перед автобусом и смыкалась позади, будто поглощая его. Петр вцепился глазами в обрывок дороги перед капотом. По сторонам выплывали

призрачные очертания ивняка и болотистого камыша. Школьницы отвлеклись от телефонов и вглядывались в туман.

— Во девицы наворотили! Густо, густо мажут, — едва не нараспев протянула баба Зина.

— Какие девицы? — спросила старшая из девочек.

— Как какие? То кикиморы болотные кашу варят. Болотного черта потчевать. А туман — отвар их. Черт всю ночь шерудит, с полевиками и водяными страсти правит, веселье свое изводит. К утру оголодает, вот девки грешные его кашей и подбадривают, — задорно подмигнула девочкам баба Зина.

Старшая глядела с недоверием. Младшая вдруг показала в окно:

— А что это?

Все вздрогнули и повернулись к туману.

— Я видела кого-то.

— Они и есть, младшие грешницы — утопленницы да висельницы, навар для Анчутки снимают.

— Для какого Анчутки? — спросила младшая.

— Да то младшой по званию черт.

— По званию?

— У них — иерархия! — торжественно произнесла баба Зина. — Анчутка ночами в деревнях по крышам лазает, девок в окна зазывает. А какая поддастся ему, уведет в озеро или лес, водяному да лешему сосватает.

Девочки притихли, Петр хмыкнул и повеселел глазами. Ему тоже словно привиделось что-то.

— Ты, бабуль, раз знаешь все, не сама ль дружбу водишь с чертом? — обернулся Петр в салон, когда впереди посветлело и автобус, набирая разгон, пошел в гору.

— Как есть, так и говорю, — взбаламутилась старушка. — Поживи с мое на деревне, узнаешь.

— Да живу я.

— Да сколько ты, милый, у нас — года два?

— Три.

— А ты тридцать три поживи. Тогда уразумеешь устройство, — бурчала баба Зина. — Неужто зимой не слыхал, как волки в ночи воют? Как летом в полнолуние насмешницы балагурят? Скоро вот метели запоют, то девки белокобые закружат, метлами заметут.

— Что это за девки, бабушка, — утопленницы? — спросила младшая.

— Какие вам в зиме утопленницы? Они сейчас на дне, в илу спят. Метель, известно, ведьмы кружат, — баба Зина отвлеклась от девочек и стала говорить для всех. — Ишь, что думают себе — что на селе только пьянь одна, бараки да шахты, одни колхозы и бурьяны. А природа — не то. Тут все иначе устроено. Нам, чухням, на загляденье.

— Что же, повсюду ведьмы и черти? — не выдержал Петр.

— Не всюду, Фома ты неверующий. Бог тебя простит, — баба Зина с опаской перекрестилась. — Эти редко ходят. Когда случается чего или явление какое. В обычную пору всякая мелкая нечисть клокочет...

Позади автобуса из тумана с ревом вырвались два больших джипа. Петр только заметил в зеркало, как внедорожники — черный по обочине, красный по встречной полосе — обогнали автобус и, рывкнув моторами, унеслись.

— Вот и нечисть, — зевком напомнил о себе из угла салона Витя.

— Это — так, мелочь, — баба Зина, как и положено старухам, держалась в курсе новостей. — Сынок нашего князька с заграницы вертухался. По фамилии и званьице. Теперь у нас порядками заправлять будет.

— Нечисть, только отечественного производства, — буркнул Витя.

У поворота на Воронью пустошь подобрали деда Захара с рыбалки. Вороньей пустошью называли обширные карьеры, где когда-то добывали глину и песок для окрестных заводов. Потом заводы кончились, карьеры заросли, в них встали озера, глубокие и богатые рыбой. В стужу, по первому льду, с ящиками и длинными, как огромные сверла, бурами в руках, сюда съезжались окрестные мужики. До седин Захар был физруком на селе, пока школу не перекроили в семилетку, а его не попросили на пенсию.

В армейском полушубке, унтах, Захар пахнул изморозью в тепло автобуса.

— Привет, Петр Сергееч, Зинаида Ивановна. Здорово, Вить, — остывшим голосом хрипел дед.

— Господь с тобой, Захар, — снова перекрестилась баба Зина.

Рыбак грохнул буром, стянул ушанку, обнажив густую и черную с проседью, нестриженую шевелюру. Девочки глядели на него с замиранием.

— Вот вам и леший, — повернулся к ним Петр, трогаясь с места.

Баба Зина недовольно зыркнула на него.

— Встал лед-то? — Петр глянул на Захара.

— Да, первый выход, — хрипя стылым горлом, после долгого молчания Захар говорил с охотой. — Только мелочь одна идет.

— Котам, — зевнула баба Зина.

Автобус укачивал, старушка пригелась и тянулась в дрему.

Из-за поворота выросли обширные развалины приземистых строений бывшего колхоза.

— Вот где нечисти полны штаны, — улыбнулся в бороду Петр. — Призраки доярок и ассенизаторов. А главарем — демон председателя.

Девочки подняли глаза от телефонов и смотрели на развалины хозяйства с удивлением и растерянностью, словно не знали, что это за древние руины. По другой стороне дороги тянулись остатки ржавой изгороди, вплетенной в дебри зарослей. Местами выглядывали обломки зданий. Облупленная арка парадного въезда, глядя оголенным кирпичом, словно ждала гостей. Из арки торчали массивные распахнутые ворота, перекореженные так, словно их раздирало неведомое чудище. Двухэтажное здание конторы зияло чернотой битых окон и служило местом посиделок. Летом сюда приезжали с водкой и девками. Петр подумал, что толком не знает, что здесь было. Поговаривали, что-то военно-секретное. Но для местных просто — была работа, и вот работы не стало. А люди остались.

Показалось их село — самое обычное, белеными домиками и оградами за околицей растянулось по дороге. Дворы в большинстве еще сохранялись жилыми. В давности по кручинистым и пологим взгорьям вокруг села был раскидан десяток мелких деревень с белесыми соломенными крышами и разъезжими черноземными большаками. После пришли электрификация и колхозы. А к концу века от тех деревень остались смоляные столбы с обрезками проводов и редкие печные развалы в крапиве. Дети почивших старушек — кто порезвее — подались в город, другие перебрались сюда, в село.

Блеснула новоставленным льдом река, автобус спустился к мосту.

— Вишь, лесовики мохнатые опоры сдерживают, — баба Зина пришла в себя и кивнула девочкам. — Потому мост только и стоит еще.

— Э, опять старая за свое, — добродушно зевнул Захар. — Петя, останови за мостом. Пойду гляну лед на речке. Тонкий еще, наверное.

Петр скрипнул тормозами.

— А вы, девчушки, не слушайте. Бабы наши обижены на весь белый свет, вот и болтают почем зря, — Захар весело подмигнул девочкам и, кряхтя, вышел.

— Ходят тоже... знатоки, — баба Зина зыркнула в сторону Захара, когда за тем закрылась дверь. — А потом хороводы с русалками водят.

На повороте, у своей избы, старушка подалась к выходу:

— Ты чего это, Петр Сергеич, грустный? — аккуратно положила она монеты на коврик. — Часом, не заболел?

— Порядок, бабуль. Погода грустная, чего веселиться?

— Ты погоди чуток, порадуешься. Дай-ка руку-то погляжу.

— Ну тебя, бабуль, я сам как-нибудь, — усмехнулся Петр.

— Дай руку, не гневи лешего, — баба Зина схватила его ладонь, когда Петр хотел забрать плату за проезд.

Девочки смешливо улыбались. Старушка мельком глянула на ладонь и повернула к Петру тревожный взгляд.

— Что там, тоже черти? — Петр вырвал руку и открыл ей дверь.

— Ты бы, милый, зашел вечером, я бы отварчику травяного навела, — внимательно смотрела на него баба Зина.

— Ты, бабуль, конечно, сохранилась — дай бог каждому, — Петр весело подмигнул девочкам. — Так я не младшой черт по званию, отвык ночами по девкам бегать.

Девочки прыснули со смеху. Баба Зина плюнула в сторону, махнула рукой и, причитая про бестолковый люд, вышла, охая и волоча за собой пакеты.

Поднялись в гору и свернули на площадку конечной остановки. Пучеглазое, в два этажа, здание школы выглядывало из оголенного сада. Выскользнули из автобуса девочки. Петр собирался на перекур. Кособочась, подошел Витя, взглядом спросил огня.

Они стояли, дымили в морозный воздух. Молчали, смотрели на село, лежавшее перед ними на протяжном берегу реки. Слова давно кончились, все было понятно. Витя притушил бычок, с чувством дыхнул перегаром.

— Ну ладно.

Пожал Петру руку и, кособочившись и от того представляясь еще тоньше и слабее, чем был, побрел краем дороги. Петр смотрел Вите вслед и ощущал покой.

— Петр Сергеич! — послышалось со стороны школы. — Привет! — махая издали-ка рукой, к нему спешил директор школы, прижимая от холода полы старомодного пальто.

— Здорово, Сергей Николаевич, — Петр загодя протянул директору руку.

Они года два как познакомились. Петр бесплатно подвозил детей и учителей в город. Директор пособничал соляркой и придерживал для Петра обеда в столовой.

— Слушай, у тебя выезд минут через сорок? — спросил директор.

— Где-то так.

— Помоги шифер в школу довести. Тут недалеко совсем. На «семерку» мою не погрузишь, а старших нет у меня теперь.

Петр кивнул и отщелкнул бычок.

— Когда ж вам машину дадут? — спросил с шуткой, выруливая на дорогу.

— Да ну что ты, — смеялся Сергей Николаевич. — Когда школа полная была, все кланчил, коньяк в департамент возил. И то не дали. А как оптимизировали нас, че уж тут. Вот сюда, налево, — он показал на небольшой беленый домик.

Во дворе Сергей Николаевич подхватил лестницу. В скудном, неухоженном хозяйстве директора проглядывало мужское одиночество. Из обрывков автобусных пересудов Петр знал: жена директора еще бог знает когда уехала в город. Выросшие дети — тоже. А он остался.

Директор приставил лестницу к сараю.

— Отсюда будем снимать, — он резво вскарабкался на крышу.

Петр за ним. Осторожно ступая по гребням шиферных листов, директор подкладывал кусок мягкой резины под тяжелый гвоздодер и вынимал длинные, сотенные, гвозди.

— А сарай как? — наблюдал за ним Петр.

— Ничего, у меня рубероид подложен. Зимой не протечет, а весной придумаем что-нибудь.

Петр заметил, что с другого края крыши уже не хватает нескольких листов.

— Бери с лестницы, — махнул директор.

Петр ухватился за край большого листа, они неторопливо спустили шифер на землю. В автобусе лист поставили в проходе, директор сидел и держал его.

В школе было тихо, уроки недавно кончились. Длинные пустые коридоры точно состояли из слоев воздуха. Поднялись на второй этаж.

— Был же у вас Михаил по хозяйству, — припомнил Петр.

— Был, да сплыл, — директор снял замок с чердачного люка.

— Инструменты, Сергей Николаевич, — подошла учительница лет шестидесяти, в строгом сером костюме. В руках она держала деревянный ящик.

— Ну чего вы, я бы сам принес, — директор достал из ящика стамеску и молоток. — Эх, в люк не пролезет, придется колоть надвое. А там волна на волну положим.

Петр покачал головой.

— С улицы бы поднять, по трубам.

— Вы, как обычно, в половину поедете? — спросила учительница с опаской, что Петр не поедет. — Таню возьмете?

— Где ж я тебе таких труб наберу? — откликнулся директор с чердачной лестницы. — Это ж метров по десять нужны. А у меня одни обрезки и хомуты, порывы закрывать.

— Да, в половину, — кивнул Петр учительнице. — Возьму, конечно, скажите Татьяна.

— Последняя наша надежда, — подхватил директор, когда ташили шифер на воркующий голубями, пахнущий теплой и сухой соломой чердак. — Английский, французский и компьютерная грамота — три в одном. Вот надоест ей к нам в глухомань наезжать — и туши свет, хоть школу закрывай. Департамент уже предлагал — нас прикрыть и в город на автобусе детей возить. Оптимизаторы хреновы.

Протиснулись в маленькую дверку и вылезли на крышу, где, уцепившись за конек, лежала длинная лестница. Предусмотрительный, — усмехнулся Петр. Директор забрался на лестницу, вынул гвозди из разбитого шифера и сбросил обломки на землю.

— Это такое дело, брат, — педагогика, — директор устраивал новые листы, подкладывал заготовленные отрезки мягкой резины и прибивал шифер блестящими гвоздями.

Школа стояла на бугре, и поверх голых раскидистых яблонь, с крыши открывался вид на округу. Просматривалось село, цепью выстроенное по холму к реке. Поле за рекой покрывал рыже-коричневый бурьян. Под мостом теперь, должно быть, рыбачил дед Захар. Высокие бетонные опоры моста давно облупились. При взгляде на опоры отсюда, сверху, казалось, что мост держат мохнатые лешие, упираясь ногами в лед реки, и лишь потому мост еще держится.

— Похоже, снег будет, — директор показал на горизонт.

От дальнего перелеска наступали темные, вихрастые тучи. Они шли обширным фронтом, словно кто-то гнал их. Что-то быстрое и веселое было в этих тучах. Петру на минуту стало отчего-то радостно, точно от чувства движения и силы, которые нес в себе снеговой фронт.

— Пора бы. Уж столько все холод, холод, а снега нет. Земля вся вымерзнет.

Когда листы прочно встали на место, они спустились. Директор протянул Петру руку.

— Зайди еще в столовую, успеешь.

— Ехать надо. В другой раз.

Петр заглянул ему в глаза. Директор был крепок, тоска и нервность еще не продавили его.

Когда Петр подошел, Татьяна, учитель английского и еще двух предметов — три в одном, как рекомендовал ее директор, — в хорошеньком синем пальто, берете с аккуратной серебряной брошью в виде кошки и легких сапожках, стояла у автобуса, сжавшись и переминаясь с ноги на ногу от холода. Работала Татьяна только с начала года, и Петр толком ничего о ней не знал, кроме каких-то чудных слухов. Было ей двадцать с хвостиком, и она считалась едва не самым молодым учителем по району.

По-зимнему рано темно. Выехали, собирая по пути редких селян. Они выходили на своих больных ногах к дороге и стояли, глядя на автобус.

Татьяна пересела к водительскому месту.

— Спасибо, что подвезли.

Она ездила с ним по два-три раза в неделю.

— Вы в город? — улыбнулся Петр ей в зеркало заднего вида.

— Нет, в Сады еще нужно. У меня там раз в неделю урок и еще надомник.

В Сады, мелкую деревню в стороне от дороги, Петр не заезжал. Некогда асфальтовую дорогу туда разбили, с годами рядом по полю прокатали грунтовую. Жителей там осталось десятка три, и чтобы добраться в город, они ходили два километра до остановки.

— Дойдете, по холоду-то?

— Все ходят, а я чего, — Татьяна взглянула на него в зеркало.

— Сколько же учеников там? — Петру хотелось поддержать разговор.

— Двое в этом году, — ей было приятно рассказывать о работе. — Пятый и шестой классы. Хорошие ребята, учат дедов в Интернете новости смотреть.

Подъехали к повороту на Сады.

— Остановите тут, — попросила она.

Петр обернулся к салону:

— Эй, честной народ, махнем, не глядя, до Садов — учительницу чтоб не морозить? Делов-то на десять минут.

— Чего мы там не видели? — послышались сзади недовольные. — Туда и дороги нету. Остальные жали плечами, ухмыляясь в стоячие воротники.

— Нету, так прокатаем, — буркнул Петр и так резко свернул на проселок, что сзади чуть не послетали с сидений.

Раскатанная в осенней распутице грунтовка задубела на морозе, и автобус зубодробительно трясся.

— Ну что вы, не надо, — запротестовала Татьяна. — Чего мучить всех из-за меня? И так зайцем с вами катаюсь.

— А то мы, милая, без тебя мало мучаемся, — поддал сзади старушечий скрежет, и его подхватил общий, с хрипотцой, смех.

Петр вырулил на скошенное поле, автобус пошел ровнее, шурша по белесой от изморози стерне.

— Во дожили! — скрипел сзади какой-то дед. — Поле-то ровнее всего выходит.

— Как же вы обратно? — спросил Петр.

— Обратно довезут, — улыбнулась заботливому вопросу Татьяна. — Еще отучить всех надо. У меня же там надомник, Алеша.

— Который не ходит?

— Да, родовая травма. Достали неаккуратно. Язык Алеша, считай, сам выучил, хотя уровень повесить, чтобы он переводами мог зарабатывать, через Интернет. Отец его очень просил заниматься.

— Интернет у нас теперь — всему голова, — откликнулись сзади.
— Отец этого Алеши очень просил, — сказала Татьяна.
— Знаю, Яков, кажется, — кивнул Петр. — Дельный мужик.
— Дельный! — подхватили сзади. — Хотел даже как-то в депутаты выйти — бардак разгрести маленько. Только не пришелся ко двору.

Поднявшись из лощины на бугор, автобус уперся фарами в заборы и дал тормоз.

— Вот здесь, здесь можно, — торопливо заговорила Татьяна. — Спасибо!

Учительница юркнула в дверь.

— Может, в город кого захватим? — пробуровил какой-то дед сзади.

— Да ты что, старый! — оборвала его соседка. — Для них тут автобус навряд ли летящих тарелок!

— А ничего англичаночка, Петр Сергеевич, на вид мягонькая, — примостился рядом забулдыга, известный собиранием на выпивку у магазинов.

Не оборачиваясь, Петр дал газ, и автобус рванулся в поле.

— Эй, сизокрылый! Отстань и не булькай, — раздался сзади грозный бабий раскат. Забудыга вмиг исчез.

— Да ты, товарищ шофер, не сердись, — примирительно зароптали от пассажиров. — Мы тут все не без греха. А за учительницей без нас присмотрят, ухажеры почище.

— Это кто ж приловчился? — едко выспрашивал какой-то старичок.

— Так и Князева сынок — кто ж еще-то, видная девка-то, — ответили из угла салона.

— Это тот самый, что на броневике своем разъезжает?

Рывкнув двигателем, Петр вырулил на асфальт и не расслышал ответ. Закружились большие, сначала редкие, снежинки. Потом хлестнул ветер — и сразу зашлась метель. Все притихли, наблюдая, как снеговые заряды бьют в стекло и свет фар борется с вьюжной завесой. Петр не заметил, как проскочили Воронью пустошь, как выскочили из ямы, где высматривали кикимор. В городе разгорались уличные фонари, их тусклый свет после пустого, холодного поля обдавал теплом.

— Будто и смеркается, — послышалось сзади. — А еще четырех нет.

— Все, шабаш. Теперь до Нового года так. А потом уж дело к весне.

— До весны еще дотянуть надо...

Петр развез пассажиров по остановкам и завернул на автостанцию, пристроился рядом с такими же неловкими и квадратными, как и его, пазиками, в стороне от юрких грязных «газелей» и деловитых вытянутых импортных микроавтобусов, курсирующих до областного центра.

С полминуты Петр послушал двигатель — что-то постукивало под капотом, но не опасное. Спрыгнул в мокрый, липкий снег и направился в станционную столовую. К этому пропахшему едой заведению на совковый манер в точности подходило — общепит и совсем не годилось — кафе. Владельцы пытались осовременить его, но и через свежий декор, как и через самих владельцев, просачивался застойный общепит, который было не вытравить никакими новшествами.

Как обычно, столовая гудела разношерстным народом — кто во что горазд. Петр взял простой обед и только сел у окна, как из толпы к нему вышла бедно одетая женщина лет сорока, со впалыми щеками, ненакрашенным лицом и большими внимательными глазами.

— Привет, Петя. Я уже думала, сегодня не придешь, — она осторожно взглянула на него.

Петр застыл над едой.

— Ира, — выдохнул он с чувством, как если бы произнес длинную и значительную фразу.

Она торопливо села и, преданно улыбаясь, стала смотреть на Петра во все свои большие глаза.

— Саша сегодня, когда в школу шли, и говорит: а меня дядя Петя на автобусе покатает? А я иду и думаю: скажу «нет» — обидится. Скажу: покатает — будет ждать, расспросами замучает, — Ирина засмеялась сама себе.

Петр заметил свой сочувственный взгляд и заставил себя смотреть на Ирину равнодушно, как на мебель.

— Я ему и говорю: покатает, если будешь хорошо учиться. А он мне: я и так хорошо. Это правда, сам учится. Я и не слежу. А он сам — в кого, не знаю. Точно не в папашу, дурака, своего... Да и мы в их возрасте... что бы ни делать, лишь бы на уроках не сидеть... А помнишь — как мы с биологии сбежали?

Петр опустил глаза в тарелку и честно попробовал вспомнить. Не получилось. Он почти не помнил детства. От школы остались одни вспышки. То ли память подводила, то ли он заставил себя забыть — уж и не знал.

— Не помню.

— Ну ты что! — ее большие глаза еще расширились. — С нами еще Сережа Никифоров и Надя Иванова были. Весна, все поет. За гаражи убежали. Вы с Сережкой сидели на корточках и курили. А мы на вас смотрели. Потом вы и нам дали закурить.

Петр вглядывался в нее, сморщившись. Потом достал «Беломор» и долго мял пальцами папиросу.

— Ты Сашка сама отводишь в школу?

Ира осеклась.

— Ну а как же я... Он ругается на меня, иногда и кричит: отстань!

— Парню взрослеть надо, шестой класс.

— Да знаю я. Но у него же никого нет, с самого детства. Он всегда со мной... И вот тогда, за гаражами, мы захохотали и закурили. Я сначала дым в рот втянула. А потом вдохнула. И давай кашлять!

— Курение в общественном месте карается законом Российской Федепрации, — растягивая и путаясь в словах, на их столик облокотился станционный алкаш. — Слушай, землячок. Не обидь, дай на опохмел маленько. После вчерашнего крышу рвет, совсем прикрыло меня.

Петр не повернулся к нему, так и смотрел на Ирину. Та испуганно перебежала глазами от Петра к алкашу и обратно. За соседними столиками притихли.

— Ну чё, земляк, уважь...

Петр чуть склонил голову в его сторону:

— Я тебе сейчас вилку в глаз воткну.

Алкаш невнятно уставился на Петра. Сзади подошли два водителя, один обхватил алкаша за шею и дернул так, что того развернуло.

— Ниче, Петь, парень попутал.

Они вывели алкаша на улицу.

— Скажи Сашке, четверть без троек закончит — покатаю, — Петр поднялся, поставил поднос в отделение для мытья.

Ирина подскочила за ним.

— А меня покатаешь?

Он старался не смотреть на нее.

— Да вот хоть сейчас, до деревни твоей. У тебя же рейс? — не отходила Ирина. — Поехали!

— Ты же на работу, — Петр накинул телогрейку.

Вышли на улицу. Здесь все мело.

— Ничего, замены попрошу. Скажу, плохо стало, — глаза ее горели молодым азартом.

— Извини, Ир. Не получится, наверное. У меня потом перерыв на час, и обратно я поздно, около шести.

Потупившись, она уступила. Видно, вспомнила про сына. Петр взглянул на часы. До отъезда оставалось три минуты. В замерзших окнах салона проглядывали редкие фигуры пассажиров. Он завел на прогрев двигатель и вылез обратно, к Ирине. Достал папиросу, смял и закурил. Молчали, не смотрели друг на друга. Петр знал, помочь ничем не может, а если что сделает — то во вред.

— Ну, беги, — прохрипел.

Она подняла глаза.

— Совсем забыла, — Ирина запнулась. — Тут из школы звонили, на вечер памяти Миши приглашали. Просили — пусть все приходят, в столовой чаепитие устроим, одноклассников вспомним, — и через выдох: — Придешь?

— Посмотрим. Может.

— Вы же дружили, — припомнила она.

Он смолчал, бросил бычок и полез в кабину. Отъезжая, видел в зеркало, как Ирина смотрит вслед автобусу.

Муть на душе рифмовалась с метелью. Петр ни с кем не говорил, притормаживал, где просили, искоса наблюдал, как бросали на коврик оплату, или молча отсчитывал сдачу. Петр не думал об Ирине, о ней давно было передумано. Миша, Мишка... одно-годовик со двора. Гоняли на великах удить рыбу в карьерах, ухлестывали за соседскими девчонками и не взятяг курили в ближней посадке. Но Мишка был другой. Про него говорили как о чуде, который в школе писал стихи, играл в городском любительском театре — зачем, никто из пацанов понять не мог. Сдали экзамены и вместе вышли в мир. Как и Петр, Мишка тоже уезжал, мыкался, крутился и — вернулся. Пробовался в бизнесе, прогорел. Поговаривали, Мишку искали за какие-то долги. Перебивался халтурами, сунулся туда-сюда, да так и не пристроился. Начал занимать на водку и в тридцать два года повесился на собственной кухне.

На последний рейс в село пассажиров не собралось, и поездка сквозила убытком. На выезде из города метель совсем разгулялась, в поле от порывов автобус дергало. Со всем стемнело. Петру вновь чудились беснующиеся в снеговой круговерти ведьмы. Они носились над машиной, лукаво взглядывая на Петра через окно, и с леденящим хохотом уносились вдаль, чертя метлами по небу. Из полей донесся могучий, протяжный вой, словно дикий зверь давал сигнал тревоги. Ощущалось диковинное и неведомое житейскому представлению, среди которого день изо дня колесил по весям Петр. Он думал обычное — поглядеть вечером тормоза, скрежещут сильно, прикидывал, чего бы сварганить к ужину, волновался о завтрашних переметах на дороге.

У поворота на Воронью пустошь что-то мелькнуло в свете фар. Недалеко, метрах в пятидесяти от дороги, похоже на фигуру человека. Но откуда в пургу, в голом поле?

Петр сдал назад, вышел. Направил фонарь в ту сторону — есть что-то. Напялил шапку и, закрываясь воротником от метели, полез по снегу. Снова посветил — рядом с темной фигурой показалось большое белое пятно. Прошел вперед и еще раз поднял фонарь — осталась одна фигура. Подходя, разглядел занесенное снегом пальто. Развернул за плечо. Ему ответили девичьи глаза. Он узнал Татьяну.

— Ты чего тут?

От холода девушка еле шевелила губами. Петр обхватил ее и понес. За стеной пурги вновь раздался отдаленный вой — то ли зверя, то ли вьюги, что закручивала по оврагам и выселкам.

Петр занес девушку в салон, положил на сиденье.

— Живая?

Достал термос, налил в крышку чая.

— Остыл немного. Ну ничего.

Татьяна с трудом отпила пару глотков.

— Держись. Надо ехать, — он сел за руль и дал полный газ.

Не было уже ни ведьм, ни колдовства, только дорога в полосе света. Потомками добравшись до села, Петр свернул к своему дому, осветил фарами двор и ворота. Татьяна сама поднялась. Прошли застекленную террасу, сени, вошли в дом.

— Садись, сейчас будет теплее.

Сжавшись от холода, она боязливо оглядывалась. Первой комнатой служила кухня со старой печью и дощатым столом для рабочих дел, в другой была спальня. Татьяна сидела на скамье у стола и смотрела, как Петр ставит на плиту чайник, разогревает ужин, как добавляет жар в газовом котле.

Он накинул Татьяне на плечи телогрейку. Девушка лишь сжала тонкие белые пальцы. Заставил выпить рюмку водки:

— Давай-ка, для сугрева. Тебе бы противовирусного, но у меня нет. Так что народные средства. И еще ванну организуем, — он не дождался реакции и включил горячую воду.

— С газом сейчас — милое дело, — говорил Петр через открытую дверь, для того чтобы не повисла тишина. — Раньше мы бы часа два маялись воду греть. А теперь котел включил — и дело в шляпе, — говорить много Петру было непривычно, приходилось делать усилие, чтобы находить фразы. — Года четыре, как газ провели, так и полегчало крестьянину, — он закончил приготовления и вышел из ванной к девушке. — Только все равно все разъедутся.

Девушка не откликалась, смотрела из телогрейки на Петра.

— Ну-ка, подъем, — он помог ей подняться. — Не прилипай, сидячий образ жизни вреден для здоровья.

Провел в ванну, закрыл дверь:

— Добавляй горячей.

Петр посмотрел в зеркало. Что-то ты разболтался. Автобус так и не посмотрел, каску не сдал, салон не почистил.

После ванны девушка смягчала, заулыбалась, на все тихо повторяла «спасибо».

Он поставил перед ней тарелку с разогретыми картошкой и котлетами. Наложил себе, сел напротив.

— Налетай.

— Спасибо.

Отхлынув с мороза, девушка ела быстро и с аппетитом. Петр словно впервые хорошо разглядел Татьяну. Согревались горячим чаем с медом. Он достал вчерашние пироги, которые ему отсыпали в школе. Татьяна разглядывала нехитрую обстановку комнаты. Петру хотелось смотреть на нее. С ней было как-то легче и веселее — может, потому что думалось: вот эта девушка, красивая и сильная, и есть она оттого, что он заметил ее в метели.

Татьяна достала телефон.

— Разрядился на морозе.

Потом чуть усмехнулась.

— И ладно. Вы давно здесь живете?

— Три года.

Она касалась взглядом старого, пыльного буфета с играющими в разноцветных отблесках стеклянными дверцами, часов на стене — с кукушкой, длинными цепочками

и гириями, которые достались Петру вместе с домом, выцветших фотографий в старых рамках, зачитанных книг на полках, стекших свечей в подсвечниках и словно пыталась разглядеть в обстановке дома память о прошлом хозяине, где была радость, о той его жизни — далекой и ушедшей вместе с тем временем. Это было не ее дело, и потому она не спрашивала, а только смотрела.

— У вас дела, а я мешаю.

— У меня давно нет дел, — усмехнулся Петр.

— А мне времени всегда не хватает. Учителей нет, все просят, приходится отказывать.

Она улыбнулась.

— И вы совсем один живете? — она вернулась к столу.

Он молчал, точно спрашивал, зачем ей это нужно.

— И не скучно?

Петр пожал плечами.

— Я бы умерла от скуки.

— Не умерла бы, — отозвался Петр. — Люди приспосабливаются. Почти ко всему.

— И вы приспособились?

— Ты согрелась? — примирительно улыбнулся Петр.

— Мне нужно ехать?

— Нет, я не про это. Идет похолодание, а ты слишком замерзла. Надо бы побыть в тепле.

— Нет, лучше я поеду. Можно вызвать такси из города?

Петр достал телефон и назвал номер.

— Ой, кнопочный, — она стала набирать номер.

На том конце ответили, девушка спросила про машину и назвала село.

— Как нет машин?

Помолчала в трубку.

— Странно.

— Зимой такси стараются сюда не ездить, — пояснил Петр. — Далеко, а теперь метель и не чистят — легко застрять, бывали случаи, — он словно хотел успокоить ее. — Я утром еще прорвусь, а легковые сядут в первом перемете.

— И что делать?

— Останься пока. Я постелю тебе в комнате, а сам лягу здесь.

Девушка с вызовом подняла глаза.

— Не беспокойся, — усмехнулся Петр, — У меня не пять звезд, но сейчас это самое безопасное для тебя место по всей округе.

Станным казалось Петру его состояние, когда он убирал после ужина тарелку и чашку, из которых пила и ела Татьяна, и готовил ей ночлег. Он ничего не понимал и только ощущал, как сдвинулось в нем что-то, и тонкая трещина прошла по цельной глыбе. Наружу выступили капли живого и горячего, что пропитало и согрело остывшее нутро. Петр хмурился, сердясь на себя, — не для того он годами отливал неуязвимый монолит, чтобы не чувствовать ничего и оттого не знать боли. Но то была лишь трещина с волос толщиной. Петр прислушался к себе — как и прежде, все было покойно, никакая капля чувств не пролилась из него наружу. Значит, все в порядке. Он подвинул кровать ближе к батарее, постелил девушке.

— Ты спрашивала... я не приспособился.

Из сумрака на него блеснули молчавшие глаза. Он вспомнил их в метели.

— Спокойной ночи.

Петр устроился на кухне, у нагретого котла. По ровному дыханию определил, что Татьяна скоро уснула.

Он же не спал. Слушал, как шумит огонь в котле и завывает вьюга в трубе, смотрел на дощатый потолок. Где-то там, выше, темнело небо. В голове крутилось: что бы ни творилось на Земле и как бы ни бушевала непогода, над всем этим вечно будут гореть звезды.

Петр проснулся от света в окнах и сразу понял, что Татьяны в доме нет. Постель ее оказалась аккуратно застелена, входная дверь прикрыта. Петр чертыхался от растерянности, что не поставил будильник и впервые пропустил рейс. Представлял, как кланут его селяне, топчущиеся на морозе. Натянув телогрейку и схватив шапку, прыгнул за руль.

— Ну давай, старина!

Автобус разразился рыком, заскрежетал и, разбивая снеговые заносы, вылез на нечищеную дорогу. Впереди были ругань замерзших пассажиров, таран ночных переметов и такой, по часам, короткий, но бог знает сколько тянувшийся в безвременье день среди зимней пустоты, вдали которой белые поля сливались с низким серым небом.

Потянулись привычные дни. Петр не встречал Татьяну среди пассажиров, видимо, она сама добиралась в школу. Девушка в метели стала казаться фантазией одиночества, словно полузабытый сон.

По расписанию автобус прибывал к остановкам, Петр обедал в опустевшей после уроков школьной столовой или на гудящей автостанции, молчал с пассажирами. Вернулось привычное — в душе все снова улеглось, как ковыль на взгорье в тихую погоду, ничто не тревожило Петра. Из салона, как обычно, выливались ушата людских чаяний, замешанных на хитросплетениях биографий, случайностей и неразгаданных логик, — на это все он смотрел с ровной душой. Покаянные исповеди и ревнивые заговоры, любовные интриги с битьем и поножовщиной неслись мимо, лукаво подмигивали из дремлющего в зимней спячке города, намекая на его обратную сторону, сотканную из дерзких страстей и кровавой мистерии, языческих мифов и демонических плясок, приятно обогащавших простую и до невыносимости обыденную, словно одну на всех, биографию общего хода жизни.

Витя припадал на ближнее к Петру сиденье, кутаясь в драную куртку, и похмельно шептал:

— Петя, они же всё продали. Город продан, вся земля. Они всё продали.

— Кто они? — Петр не отпуская глаз с дороги.

Витя пучил ослабевшие глаза и надрывно хрипел:

— Они! — и показывал глазами наверх. — Что мы для них? Я этого нашего, думаешь, не знаю... — он махал перед собой пальцем. — Я все знаю... — и вяло бил себя в грудь. — Братец мой городской архитектор был. Игореша, Игореша... Он им все и сделал. Они его потом и угробили.

— Он же в аварии погиб, — Петр безмятежно поддерживал разговор.

— Ага, под машину попал. В чистом поле. Взял и через дорогу побежал. Водитель с тридцатилетним стажем... Ну, ниче... поглядим еще... — тут Витя увядал, словно в нем кончалось топливо, заваливался в дальний угол салона и, покачиваясь в такт автобусу на ухабах, глядел исподлобья на снежные просторы.

Как-то Петру приснился сон. Он в полях, стоит на дороге. Вокруг ночь и метель. Впереди он видит неясную, худую фигуру, то ли подростка, то ли девушки. Фигура удаляется, вот-вот исчезнет в метели, и тогда он останется один. Петр идет за фигурой, но догнать не может. В лицо свистящий ветер и снег. Он тихо говорит: «Стой! По-

стой!», но фигура не слышит. Так они идут, и вдруг — не зрением, а одним чутьем он замечает вокруг себя движение. Оглядывается — его окружает стая волков. Черными силуэтами на белом снегу волки обгоняют Петра и смотрят на него горящими глазами. Петр хочет крикнуть фигуре впереди, предостеречь. И видит, как рядом с фигурой движется что-то большое и белое, словно невиданный зверь. Они скрываются в метели, теряясь из виду. Стая разбегается в стороны. Петр стоит один на дороге и снова, как тогда с девушкой, слышит из темноты протяжный вой — то ли зверя, то ли ветра.

Он проснулся и правда услышал отдаленное завывание. За окном морозная, лунная ночь. Петр оглядел двор. На снегу лежали мягкие тени. Словно дунул ветер от реки и скользнул по трубе.

Пришлый сон Петр вскоре бы забыл, если бы наутро баба Зина, в силу привычки веселить народ, не всполошила автобус. В ранние часы народу до города ехало больше, и все делились слухами про какого-то Ванькá, который вернулся с заработков в село и теперь смертным боем лупит жену за то, что та гуляла в городе. Теперь жена, Нинка, ходит вся синяя, глаз не видно, а Ванек пьет и грозитя сигануть в прорубь.

— Как же, такой утопится, — отвечали с другой стороны автобуса. — Пяток душ изведет, а сам — как с гуся вода. Таким балбесам разве что делается.

— Молодежь пошла — не угадаешь их! А в городе что делается — не слыхали?

— Ты, мать, про гонщиков, что ль?

— Про них. Носятся по ночам и режут — аж страх на всю улицу! И машины у них такие здоровые, как грузовики. Одна машина черная, другая красная. И ездют только по главным улицам, других не признают.

— Да не потому, что не признают, — бодро откликнулись сзади. — Других у нас просто не чинят! По ним на тракторе гонять хорошо.

— А чего на тракторе? — откликнулся старичок с веселым видом. — Зимой в санях хорошо! Запрягай тройку — и вжух! Снег под копытами брызжет, колокольчик звенит, девки смеются. Хорошо!

— Какая тройка, окстись, дед, — перебил кто-то, да так смурно, что оборвал веселье.

И тут-то, выкроив момент, забормотала баба Зина, тихонько поглядывая перед собой:

— Нишо, люди. Скоро будет всем по делам их. Каждому по мере его, — и замолчала.

— А чего будет-то? — буркнул толстый мужик рядом.

— Чего — не знаю, да будет. А то волков ночью не слыхали?

— Каких волков? — настороженно спросила женщина с двумя детьми.

Многие, зная эти рассказы, глядели на бабу Зину с улыбкой.

— Что ж ты, дочка, — баба Зина повернулась к женщине с детьми. — Живешь сколько в Ильинском и про Белого волка не слыхала?

— Ну да, трепись себе! — хмыкнул толстый мужик и отвернулся к окну.

— Болтовня!

— Слыхали мы эти сказки! — озорно блеснул золотым зубом веселый старичок. — Про белого бычка и черта в овечьей шкуре, — и хитренько захихикал.

Кто-то еще поддержал старичка, другие смотрели на бабу Зину в ожидании.

— Балаболов не слушай, дочка, — глядела старушка на женщину с детьми. — Еще старики говаривали: Белый волк приходит, когда людям совсем худо. Когда жизнь до точки. При царе, когда в голод народ бунтовал. Потом в Гражданскую. И при немцах, в оккупацию. Это уже мы детьми были, знаем. Тогда волков народилось — страсть. Стрелять-то некому. И пришла в наши места большая стая — штук тридцать, а то и поболее. А вожак у них — Белый волк. Говорили — ростом с теленка. И вот раз в зиму, у нас в селе, паренек один — соплячок совсем — вытащил у немцев хлеба и матери в деревню понес. Немчура заметила да и повеселиться задумала. Как паренек от

села отошел, догнали на мотоциклах. Хохочут, гоняют соплячка по кустам. Кулаками ему машут: «Нехорошо! Нехорошо!» — словечко наше выучили, нехристи. А главным у них — герр офицер. Выгнали пацаненка на дорогу, окружили. Он стоит, дрожит, слезы мерзнут на щеках. Сам голодный — хлеб прижал и не отдает. Решил офицер кончать с мальцом, пистолет достал, и тут, как из-под земли, выскочили волки. На немцев бросились и погрызли всех. А мальчонку не тронули. Белый волк тому герр офицеру горло порвал. А когда отпустил мертвеца, глаза зверя стали красными от человеческой крови. С тех пор по всей округе стали волки грызть немцев похлеще партизан. Сколько фашисты эти ни загоняли волков — все попусту. Чуть что — они в лес. Ищи-свищи. А немец лесов боялся. Потом уж как наши сатанину эту погнали, так и ушли волки.

— Хороша сказочка!

— Во плетет! Тебе бы, бабка, по радио выступать!

— Так правда или нет? — оглядывалась женщина с детьми.

— А ты, дочка, у нашего деда Захара спроси, что под мостом рыбачит, — подмигнула старушка. — Он и есть тот мальчонка, что хлеб украл.

Тогда Петр и вспомнил сон. На этом въехали в город, и народ засобирался к выходу.

На обратном пути в село Петр раздумывал подлатать автобус: давно гниет правое крыло, подпускает левое заднее колесо, нужно посмотреть ниппель и отодрать пошлую наклейку на стекле в салоне... И тут увидел Татьяну.

Она ждала его на конечной остановке у школы, и он сразу понял, что она ждала его, а не автобус, потому что пассажиры всегда подходили к отправке по расписанию, а не к прибытию автобуса.

— Привет, — вышел он к ней в рабочей телогрейке, скрипя по снегу ботинками. — Ты в город? У меня рейс через сорок минут.

— Я знаю.

Она медленно покачала головой. В черном пальто, с распущенными, точно волнующимися, волосами, она готовилась произвести впечатление, и оттого Петру стало неприятно и пугливо.

— Мы зайдем к тебе?

— Ты хочешь? — Петр словно надеялся, что она передумает.

— Мне можно, — усмехнулась она. — Я у тебя ночевала.

Он не нашелся, что ответить, только пожал плечами. Татьяна вошла в автобус, он залез за руль и вывернул к дому.

— А ты такой забавный во сне, — улыбнулась Татьяна. — Не похож на себя... Я о тебе вспоминала. Как ты нес меня.

— Не надо.

— Почему? Ты не хотел увидеть меня снова?

Петр помолчал.

— Хотел.

Он взглянул на нее в зеркало. Татьяна сидела, покачиваясь в такт автобусу, и чуть улыбалась, глядя то на дорогу, то на Петра. Не нужно этого, думал он, и тут же — что не может отказать ей, хотя отказать нужно. С ней было все не так, и это словно управляло всем.

— И ты вот так, каждый день, едешь по одной дороге?

— Маршрут такой, — пожал он плечами и вдруг подумал, что ему хочется с ней говорить. — Кажется, что скучно. Но нет. Погода всегда разная. Люди тоже. Новости. Бабки такого набалакают — дым коромыслом.

Плохо, плохо, говорил он себе, не нужно этого. И тут же ощущал, как приятно вести автобус, когда она рядом. Появилось что-то близкое, от чего смотришь в этот холод-

ный день, на простыню полей, на низкое зимнее солнце через голые кусты, смотришь и думаешь, что подмигивает оно уже не тебе одному, а вам обоим.

Дома заварили чай. Пили из ребристых стаканов. Света не зажигали. О чем-то говорили, и Петр почти не думал и не помнил о чем. Чувствовал ее рядом и страшился себя.

— Оставь меня здесь. Я дождусь, когда ты вернешься, — попросила Татьяна, когда Петр начал собираться в рейс. — И ключи оставь. Я схожу в магазин, приготовлю что-нибудь к ужину.

Петру нечего было ответить. Он думал, как бы она не увидела в его глазах испуг, как видел он в ее. Бросил на стол ключи и вышел. Петр не чувствовал влюбленности и знал свою неспособность к чувству. Все происходило само собой, и он не мог повлиять на это, только делал что нужно, как актер играет роль по готовому сценарию. Он был словно большая коряга, упавшая с дерева в реку. Молодая, свежая вода несла ее по течению, коряга не могла бороться с ходом воды и только покачивалась на перекатах.

Струились сизые сумерки. Выхав из села, Петр нагнал одинокую фигуру на обочине.

— Ни одной попутки — сам Бог тебя послал, — заскочил в автобус директор школы.

— Или расписание маршрута, — Петр вырулил на дорогу.

Автобус чихал и скрипел суставами.

— ЧП тут у нас, — директор говорил, сидя вполоборота к пассажирам. — Пацаненок у меня пропал. Егорка, третий класс. Из Муравьевки. Отпросился с последнего урока. А домой не пришел. Тетка его звонила. Тут пешком минут сорок. А его часа четыре как нет. Вот думаю — надо идти.

— Я до деревни не доеду, — не оборачиваясь, ответил Петр. — Там не чистят.

— Местные тропу натоптали через поле, — продолжал директор. — Но чуть снег, ее заносит. А тут метели. Вот и боишься за мальчонку.

— Небось шарится с пацанами по дворам, — раздались голоса из салона.

— Самогонки тяпнул и упал.

— Курят всякую дрянь по чердакам.

Директор терпеливо не отвечал.

— Ты, Сергей Николаевич, боишься, чтобы, как в Дубках, не было? — сказал кто-то в салоне. — Говорят, там директора под суд отдали.

— А что в Дубках? Это в соседнем районе, что ль?

— В соседнем, — ответил директор, остужая сплетни. — Там года три назад ученик по дороге домой замерз. Сказал — родители вызвали. И ушел, не дождавшись автобуса. А тут пурга. Нашли через неделю, с собаками.

— А директор за что виноват?

— Директор за все виноват, — отозвался Сергей Николаевич.

Подъехали к повороту на Муравьевку.

— Тропу совсем замело. А ведь ясно, — донеслось из салона.

— Поземка. Гляди, как в поле ниже, — отозвался кто-то.

Петр нажал кнопку, заскрипела дверца.

— Спасибо, Петр Сергеевич, — обернулся директор, выходя. — Будешь ехать, поглядывай по сторонам. Мало ли...

— Сделаем, — кивнул Петр.

Отъезжая, Петр глянул в поле. По искристой белизне, сильно проваливаясь, двигалась согнутая фигура директора. Одетый не по случаю — в пальто, брюках и ботинках, — он шел в самые снега, где, казалось, и быть ничего не может.

По дороге в город мальчика Петр не встретил. На автостанции уже шептались о случившемся. К вечеру половина города слухами наполнится, думал Петр, не поздоровится директору.

На обратном пути у поворота на Муравьевку стояли машины. Полиция составляла бумаги, директор давал показания. Рядом суетились люди из администрации и репортер из газеты. Высокий человек в дорогом пальто размахивал руками и что-то говорил, будто всем сразу. Спасатели слушали его, понурившись.

Увидев Петра, директор замахал руками и побежал к автобусу.

— Что, не нашли? — слышалось из салона.

Сергей Николаевич молчал. Лицо его было серым от усталости.

— Зато, говорят, теперь обещали прочистить дорогу в деревню.

— Ага. И выпросить в области автобус для школьников.

Директор смотрел в окно на человека в дорогом пальто. Тот продолжал что-то громко говорить полицейским и спасателям. Репортер стоял рядом и записывал. Автобус закричал и тронулся. Лицо директора на миг зашевелилось, точно из него прорывались слова, но что-то мешало им, и наружу проник один глухой стон. Затем директор стал мелко кивать головой, точно убеждал в чем-то сам себя, и повернулся к Петру:

— Петр Сергееч, подкинь до сельсовета. Будем собирать поисковый отряд.

— На ночь глядя? — спросили из салона.

За окном по-зимнему быстро стемнело.

— А что делать? — ответил директор.

— Небось к ребятишкам знакомым убежал, — предполагали сзади.

— Полиция потому не начинает поиски. Должно время пройти, — объявились знатоки.

Петр оглянулся на директора. Увидел, как мутнеют его глаза.

— Я могу прошерстить окрестные дороги. Домой только заскочу, — сказал Петр, когда высадили пассажиров и подъехали к школе. — Может, еще кто найдется на колесах. А вы соберите группу и прочешите село.

Впервые Петр со стороны видел горящие окна своего дома. Татьяна говорила кому-то по телефону:

— Ну что тебе надо? Давай я сама буду решать...

Замолчала, выслушивая.

— Нет, не встречай... Где надо. Я разберусь, хорошо?!

Она повернулась, увидела Петра и отключила звонок.

Петр оглядывал впервые за месяцы убранную комнату, вымытый пол, протертую от пыли мебель. По дому расплывался сытый запах.

Татьяна зажгла огарок свечи на блюде.

— Садись ужинать. Я только газовый котел не смогла зажечь, так что холодно.

Петр подошел к котлу, включил, послушал, как шумит синее пламя. Сел за стол, Татьяна напротив. Петр стал есть, думал и ел, думал и наконец сказал:

— Я не просил тебя. Плохо, девочка, это все плохо. Ты, что... Ты замуж за меня собралась? — спросил Петр резко и зло. — Ты... хочешь что? Любить я не могу. Денег нет. Должностей не занимаю. Зачем это тебе?

Внутри Татьяны раздался скрип, она заморгала, грозя расплакаться, и встала от стола.

— Я тебе не нравлюсь?

— Да не в том дело.

— Так что, не нравлюсь?

— Нравишься.

— Ты не хочешь со мной...

— Да при чем тут... — Петр чертыхнулся в сторону. — При чем тут я? Меня вообще нет! Ты понимаешь?

- Нет, не понимаю.
- Да ничего этого не надо! — он отвернулся. — Это глупость какая-то. Ересь чертова. Ну подобрал, ну отвез. Все, забудь! — он смотрел со страхом.
- Я сама пришла.
- Хватит этой глупости. Все у тебя еще будет! Ты не представляешь, что у тебя еще будет!
- Ну подожди ты, подожди... — она приблизилась и протянула к нему руку. — Я же просто хочу...
- Петр отдернулся, и она увидела, как страх блесит в его глазах.
- Ладно, что ты хочешь? — сказала она примиряюще.
- Мне нужно уехать.
- Сейчас, ночью?
- Да. Пропал мальчик, школьник ваш. Директор собирает поисковую группу. Я обещал помочь.
- Я с тобой.
- Петр смотрел на нее с бессилием, не зная, чем ответить.
- Или буду ждать тебя здесь.
- Одевайся, — Петр стал натягивать тужурку. — Но потом я отвезу тебя домой.

Встретил их директор.

— Мы начинаем обход села. Нашлась машина, поехала искать в сторону города, — он посмотрел на Татьяну. — Может, ты через своих как-то подсобишь?

Она не сразу ответила, лицо ее исказилось.

— Простите, Сергей Николаевич, не могу. Мы не общаемся, уже полгода не разговаривали.

- Ладно, сами как-нибудь.
- Тогда мы начнем чесать в полях, — подхватил Петр.
- На связи, — кивнул директор.
- Если ничего, вернемся часа через два.

Повсюду расточилась ночь. Изменчивая луна то выглядывала, то куталась в облака. Петр ехал медленно, фары освещали путь метров на сто, дальше темень поглощала свет. Плохо чищенная, в бороздах снеговой колеи, дорога растворялась впереди. Напрягая глаза, Татьяна всматривалась в случайные тени на обочине. Темнота притягивала, и Татьяна переводила взгляд в черную пустоту. Там спали дальние леса, овраги и реки, и казалось, эта ночь не закончится, она захватила всю Землю и, кроме светлого пятна их автобуса, ничего нет.

— Только сейчас заметила, как темно у нас повсюду... — сказала она. — Нигде ни одного фонаря.

— Тут нечего освещать. До ближайшего города километров сорок. Деревни... были когда-то, много было, на каждом повороте. Потом не стало. Вот сейчас будет развилка, и если поехать прямо, километров через двадцать будет село, похожее на Ильинское.

Из темноты выплыл пустынный перекресток.

- Мы поедем туда?
- Нет. Мы свернем и поедем полями.
- А что там?
- Ничего.

Снова в темноту, в поля и перелески уходила дорога, и представлялось, там нет ни человека, ни зверя, но в это не хотелось верить, и Татьяна говорила себе, что есть же люди, много людей, они заполнили Землю, их миллиарды, и было странно думать об этом, смотря в ночь. Через два часа дороги, по которой они ехали и ехали, куда-то

сворачивая, где-то притормаживая и тщетно освещая придорожные заросли и прозрачные посадки, автобус вернулся к селу.

У школы навстречу выбежал директор. Он был навеселе, его окутывал легкий коньячный дух. Разгоряченное лицо директора все время двигалось, словно куда-то рвалось, говорил он непрерывно. Возбужденные глаза прыгали с Татьяны на Петра и обратно. Сергей Николаевич затащил их в свой маленький кабинет, на журнальном столике разлил по рюмкам коньяк, достал нарезанную колбасу.

— Дорогие мои, надо держать себя. А то на-ка-жут! Вы уехали, группу я село чесать пустил, и тут звонит мне Павел Семеныч, главврач нашей районной больницы — мы с ним еще в школе по девкам шастали. Ты пацана потерял? Ну, я. У меня кибальчиш твой. Я стою, дышу, как лягушка, а сказать не могу — как так? Ну и рассказывает он мне такую сказку: сидит дежурная смена в приемном покое, тут грохает дверь, вваливается какой-то старикан в громадном тулупе и с бородой в пояс, тулуп распахивает, а под ним мальчонка жметесь от холода. «Что ж не углядели? Принимайте, служивые», а сам — разворот и за дверь. Дежурные в окно глянули — у больничных ворот широкие сани, а запряжены в них то ли ездовые собаки, то ли волки. Дежурные выскочили, а сани взяли с места и поминай как звали, только слышно, как колокольчики по улице звенят... Тут я ему кричу в трубку: Павел Семеныч, вам спирта медицинского там выдали не с избытком? Он меня по матери. Отменный ты, говорит, дурак. А с пареньком все в порядке. Отогреем, проколем для страховки, и забирай. Такая вот, ребята, сказочка, — директор причмокнул и капнул себе еще коньячку.

— Как же так получилось? — спросила Татьяна.

Все замолчали, почему-то не радуясь счастливому спасению. Директор вдруг обмяк и замолчал, глядя в сторону.

— Нам пора, поедем, — Петр взял шапку и поднялся.

— Все, хватит. Наигрались, — Петр повернул зажигание.

Притихшая Татьяна смотрела на его отражение в стекле.

— Отвожу тебя домой — и все! — он резко рванул с места, заставив автобус кашлять остывшим двигателем.

На Татьяну Петр не оборачивался, про себя боясь, что она скажет чего — и он не сможет отвернуть. Только она не сказала, сидела воробушком, съезжившись, дергала глазами. Ночные разъезды ли, рассказ о спасении повлиял ли — Петр не знал.

Татьяна назвала адрес. Въехали в городской частный сектор и остановились у массивных ворот с фигурным литьем.

— Это точно здесь?

— Здесь, — досадно вздохнула Татьяна.

У ворот фары высветили огромный красный джип.

— Как твоя фамилия? — Петр открыл ей дверцу.

— Какая разница. Дай свой номер.

— Незачем, — он обернулся на ее блестящие в потемках глаза. — Не нужно тебе.

Татьяна не ответила, зло поджала тонкие губы и пошла к дому. Навстречу из джипа вышел рослый, красивый парень в спортивном костюме.

— Отстань! — донеслось до Петра.

Автобус стал разворачиваться, блуждая фарами по заборам. Парень в спортивном костюме повернулся и смотрел ему вслед.

Первый утренний рейс зимой Петр делал еще затемно. Пазик выхватывал фарами на остановках редких пассажиров, кому случилось найти работу в городе. Уличного освещения давно не было, фонари обходились дорого.

На автостанции подошел Валера, спросил закурить. Они размяли папиросы и крепко затаились.

— Тебя тут спрашивали, — Валера кивнул в сторону. — С ними сынок главы, Князев. Чего у тебя с ним?

— С ним — ничего.

— Гляди в оба, не нарывайся, — Валера отщелкнул бычок.

На обратном пути в пустом автобусе — редко кому нужно утром в село — затевался рассвет. Солнце заявляло день через украшенные изморозью окна. В такт покачиванию автобуса на лице Петра играли розовые блики.

На подъезде к мосту он увидел, как трое человек бегут на реку, к проруби. Позади них женщина что-то кричала и размахивала руками. Перед носом автобуса выскочил Витя-рыбак.

— Дела-то, Петь! Сосед, Ванька, с утра пораньше воюет. Выскочил с топором. Глаза бешеные. И к проруби — грозит топиться. Я по мужикам, собрать кого, а собирать-то некого...

Внизу под мостом, подняв здоровенный топор, в ухарской тельняшке, тупо глядя из-под густых бровей, Иван хмурился на стариков-увещевателей:

— Себя, дурака, не жалко — жену пожалей! Куда она без тебя здесь. На паперть? Или сразу на панель?

— Шалаве не привыкать, — гудел Иван.

Вся перебитая, с синим лицом, Нинка стояла тут же, вытирая ладонями щеки.

— Во дожили — и такого дурака жалко! — ухмылялся Витя-рыбак. — Раньше бы утоп, и не хватились бы. А теперь три мужика на весь наш берег. Думали, вернется Ванька, возьмется за хозяйство. А он куралесит вторую неделю, собачий сын.

— Да кого ты слушаешь? Уши распустил! Не гуляла Нинка в городе! — гнули свое деды. — Вон Петра спроси, он всех возит, уж он-то знает — чистила она в город или нет. Это ж все бабы наши — хуже войны. Брешут — не отмоешься! Небось Тамарка с магазина взбаламутила? Сущий бес, а не баба, — говорил сухой старичок в ушанке и широких валенках, от которых казался еще тощее. — Ее же, дуру, мармеладом не корми, дай кого сжить со свету.

Наступила пауза, точно все обдумывали сказанное.

— Здорово, Иван, — поравнялся со старичками Петр.

Тот не отвечал.

— Закурим? — Петр вытащил «Беломор» и шагнул вперед.

В короткий миг топор полетел на снег, а сам Иван очутился головой в проруби. Петр трижды окунул погромщика. Потом вытащил и поставил, словно куклу.

— Ну как, бодрячком?

Тот глядел выпученными от ледяной воды глазами.

— Порядок, — Петр за шиворот подвел Ивана к жене.

— Принимай, хозяйка.

Нинка бросилась обтирать его. Иван стоял не шелохнувшись.

— Ладно, мужики, у меня рейс, — Петр стал собираться на мост.

— Заходи, Петр Сергееч, чайку накатим, — отозвался вдогонку Витя-рыбак.

Петр оглянулся на реку, под мост. Огромные бетонные опоры совсем потрескались и облупились, торчала ржавая арматура. Нет никаких леших, а только бедлам, подумал он.

Обедал Петр в опустевшей после уроков школьной столовой, где дородная тетя Валя в белом халате наложила ему разбухших макарон и постных котлет, а теперь гул-

ко стучала на кухне огромными алюминиевыми кастрюлями. Петр молча разглядывал опустевшие столы, еще пахнувшие едой, сказочные росписи на бледно-зеленых стенах.

Эта столовая могла бы напомнить Петру его школьную, совмещенную с актовым залом — с тем же линолеумом, длинными шторами и низкой, короткой сценой, — и ему захотелось вспомнить, как бежали к столам, бросали портфели под окрики учителей, но он не вспомнил — все точно провалилось так глубоко, что не могло вернуться в память.

На автостанции, кутаясь в заношенную дубленку, подошла сутулая диспетчер с крашеными грязно-желтыми волосами и протянула бумажку с телефонным номером.

— Тебе в городскую администрацию сказали зайти.

Толстый, скучный охранник, холодно блестящий турникет, древесный шпон обшивки стен, искусственный мрамор ступеней, колонны с лепниной, неяркий свет заполненного людьми коридора, всем недовольная, чопорная секретарь заместителя главы, в длинном кабинете за громоздким, обшитым кожей столом массивный человек без возраста, с усталым взглядом, отработанной осанкой и широкой лысиной на крупной голове.

— Петр Сергеевич, у нас трудности с вашим маршрутом, — Владимир Константинович смотрел в бумаги на столе, делая вид, что о чем-то раздумывает. — Ведь маршрут в Ильинское не самый прибыльный? Всего четыре рейса в день?

— Четыре в будни и пять по выходным.

— Еще и без замены?

Петр выжидательно молчал.

— Возможно, вам хотелось бы работать на более прибыльном направлении?

— Меня все устраивает.

Владимир Константинович поднял мутные глаза.

— Мы предлагаем вам изменить маршрут. Вот хороший вариант по городу, — он подвинул схему.

Петр коротко глянул в нее и отступил, точно принимая оборону.

— Зачем это вам?

— Вы как будто не понимаете. Мы пытаемся вам помочь... Вы в нашем городе не так уж давно. Вернулись, — Владимир Константинович заглянул в бумаги, — из большого города. Явление редкое.

— Любой водила скажет, что с этого маршрута, — Петр кивнул на схему, — выдают через неделю — сгорит автобус ночью, и все.

— Ну что вы, Петр Сергеевич. У нас мирный город. Свободный рынок, так сказать, — Владимир Константинович широко улыбнулся. — Мы, государственные служащие, как можем, поддерживаем порядок.

— Перестаньте, — на лице Петра мелькнула брезгливость. — Это что... из-за нее?

— Из-за кого?

— Татьяна... ваша дочь?

Владимир Константинович смотрел, теперь и вправду о чем-то раздумывая.

— Да, Таня — моя дочь. И тебе нужно ее сильно благодарить. Она на дыбы встала, грозитя... Я сам из-за вас подставляюсь.

— Чего вы хотите?

— Это не я хочу, — устало вздохнул Владимир Константинович. — Это ты хочешь. Сменить маршрут. И никому не мешать. А я все замну. Про Таню ты забыл.

— А если нет?

— Ты совсем дурак? Ты не знаешь, с кем она? Таню подставить хочешь? Или меня под монастырь подвести?

— Не хочу, — Петр уже подходил к дверям.

На конечной остановке у школы стояли вчерашний красный джип и легковушка. Навстречу вышел высокий красивый парень в спортивном костюме.

— Ты Петр?

Петр закурил в ответ.

Князев коротко замахнулся, ударил Петра, а потом вдруг оторвался от земли и полетел в снеговую кашу.

— Ты не шути, парень, — Петр сплюнул с разбитых губ красную слюну. — На мне грехов поболее твоего будет. Еще и тебя, дурака, брать на душу не годится.

Князев вскочил, подбежал к джипу, вытащил с сиденья бейсбольную биту и снова бросился на Петра. От легковушки к Петру бежали двое здоровяков в черных куртках и натянутых на глаза шапках. Петр легко выбил биту из рук Князева и широко, с чувством удали и даже удовольствия, с размаху расшиб его о борт автобуса. Тогда и налетели сзади. Пару раз Петр достал противников, и тогда — чем-то твердым и холодным — получил удар такой силы, что оказался на земле, смешивая грязный снег с брызнувшей кровью.

Все мигало и расплывалось, как в кисельном тумане. Мелькнуло озабоченное лицо Сергея Николаевича, Петра куда-то тащили, грузили в машину, везли и снова тащили. В голове гудело, как при землетрясении, глаза заливало кровью. Мелькнула крыша старой избы.

— Чуяла, чуяла я, ждать гостей, — скрипел старушечий голос.

Петр оказался в тепле. Его раздели, промыли теплой водой раны. Стало легче, и он заснул.

Когда очнулся, увидел перед собой Татьяну. Она смотрела без волнения, чуть улыбаясь.

— Просыпается, — сказала она кому-то.

Петр лежал в укомной комнате, с коврами и покрывалами. Была ночь, комната тускло освещалась старыми торшером и настольной лампой.

— Согрейтесь, — зашла баба Зина, держа в руках кастрюльку.

Старушка разлила отвар с приторным и сильным запахом по кружкам.

— Что это? — спросила Татьяна.

— Травы, травы всё, деточка.

— Сами собираете?

— Ну а что ж, пока ноги ходят. Сейчас дикости раздолье. Стада на селе нет, луга не топчут.

Грея о кружку руки, Татьяна разглядывала пучки сушеных трав по стенам, мутные разноцветные настои на полках.

— Сергей Николаевич к бабе Зине тебя привез, — повернулась она к Петру. — И мне позвонил. Бабушка сделала, что могла, скоро будет лучше. Выпей вот. Теперь я тебя выхаживать буду, — Татьяна напоила его горячим настоем с духом теплого летнего разнотравья, потом легла к нему и обняла.

Отвар убаюкивал их, становилось тепло и спокойно. Не нужно волноваться, словно говорил тихий старческий голос бабы Зины, и виделся в ее узорчатом платке и черных бровях задор далекой молодости, душистый покос на заливных лугах, сжатые хлеба убранного поля, разлив неторопливой застольной песни над зеркалом реки. Так хорошо в маленькой натопленной комнатке с иконами, и снадобьями, и ковром в бархатных тонах.

Татьяна не помнила, как заснула. Снились ей сказки, что в детстве шептала перед сном мать, еще живая. Снились лешие с рогами и смурные колдуны, заговор болотных ведьм, девушки с венками в хороводе у костра. Снилось, как огонь играет в их за-

чарованных глазах. Видела она в том огне битвы и пожары, ярость невиданных чудищ и силу земли, вековые беды и новое рождение. Все то прошло в нее, затаившись в глупине, а под утро забылось, как забываются сны.

Разбудили Петра тихие голоса директора и Татьяны. Они обсуждали его состояние.

— Ну, Петр Сергеевич, задал ты нам задачку, — хмыкнул директор, когда Петр открыл глаза. — Все село на ушах второй день. Не тяните, собирайтесь.

— Ищут тебя, — сказала Татьяна, присев на кровать к Петру.

Из кухни пахло яичницей и колбасой, гремела посуда. Баба Зина кашеварила на всех.

— Вовка-забулдыжка наш уже прибегал, выспрашивал, — скрипела она. — Верно, продать вас этим фашистам торопился. Ну да у меня покойно, — баба Зина принесла тазик и стала снимать примочки с разбитого лица Петра. — Давай-ка подымайся, соколик, подкрепиться времечко.

Петр сел в кровати. Лицо и тело ломало, но он мог двигаться и понимать.

— Ну вот, маленько стал на человека похож, — директор одобрительно поглядел на старушку.

— Так и я, милый, не лыком шита, — хмыкнула та обиженно, точно в ней сомневались. — В пятьдесят пятом, сопливая еще была, прямо с училища и сюда, на завод, медсестрой — мать говорит: иди куда хошь, токма не обратно в колхоз... А больницы еще не было, это потом уже. Каких ко мне только не притаскивали из цехов ломаных-переломаных. Тут я материны заветы все и припомнила. Так тридцать лет и служила. Бывало, и помирали у меня на руках-то. Сижу, вою потом всю ночь.

Все глядели на бабу Зину.

— Ну пойдемте, — позвала она к столу.

— Да, надо быть настороже. Никому не верьте, — угрюмо смотрел Сергей Николаевич за завтраком. — Вас ищут и скоро найдут. Может, уже нашли. Шила в мешке не утаишь, — и через паузу, с досадой: — Уезжайте, наверное.

— Зачем уезжать? — испугалась Татьяна. — Я пойду к отцу, все расскажу. Он поможет. За драку Петра не осудят.

— Тебе — поможет. Петру — нет, — пожал плечами директор. — Отделал ты, однако, Петр Сергеевич, нашего будущего начальника-то. У него и так с головой плохо было, так ты ему, видать, последние мозги вышиб. Павел Семеныч ему сотрясение мозга поставил, палата-люкс, пятиразовое питание. Говорят, одного ветерана даже переселили куда поскромнее. А папаша, Князев-старший, бушует. Теперь по всему району мотаются их шестерки. У Петра дома все выпотрошили. Шарятся по селу. С утра мне всю школу перевернули, чуть не прибили...

— Школу?

— Это надо было видеть, — смеялся директор. — Повариха наша, тетя Валя, на них с половником. Эти стоят, пыhtят, не знают, что придумать.

— Что ж делать? — спросила Татьяна. — Я к родителям не вернусь.

— Уезжайте вместе, — вздохнул директор. — Тоска смертная, конечно. До лета на английский точно не найду никого, да и на информатику. Ей-богу, прикроют школу — и каюк. Черт знает где учителей искать?

— Автобус где? — спросил Петр.

— Да так и стоит брошенный у школы.

— Старик у меня в порядке, возьмем его. До школы подбрось только.

— Вы не выберетесь... Я вас отвезу до вокзала или в областной центр, — сказал директор.

— Тебя подставлять не будем, — отвечал Петр. — Доберемся до автобуса, дальше сами. Я вчера полный бак залил. Старику километров на двести хватит, а там заправимся.

- Деньги есть на первое время? — спросил директор, когда они одевались.
 - Налички немного...
 - У меня на карте есть, — отозвалась Татьяна уже с улицы.
- На выходе Петра задержала баба Зина.
- Береги ее, соколик. У девичьих сердечек в каждом отделении да по секретнику.
- Петр кивнул.
- Не хворай, бабуля. Спасибо.

Пыхтя и переваливаясь на кочках, «семерка» директора ползла по снежной колее, словно кралась вдоль дворов. То там, то здесь из-за заборов выглядывала шапка и мелькала серая телогрейка.

- Ишь, повылезали, воронье, — ворчал директор.

Автобус стоял на остановке, словно ожидал водителя с пассажирами и удивлялся, кто же вместо него возит сельчан в город. А может, и никто, подумал Петр.

— «Газель» какую-то раздолбанную на маршрут поставили, — подхватил его мысли Сергей Николаевич. — Не выскакивай. К школе свернем, где потише, там уже.

Вышли.

- Ну что ты, Сергей Николаич, как на поминках, — усмехнулся Петр.

Директор стоял хмурый и злой.

- Как-то все не так, — директор протянул ему руку.

- Как всегда, — хлопнул по его широкой и мягкой ладони Петр.

Водительская дверь пазика оказалась открыта. Петр чиркнул зажиганием, взглянул на приборы.

- Ну давай, старичок.

Автобус вздрогнул, точно проснувшись, зарокотал холодным двигателем и застучал цилиндрами, разминая суставы. Выруливая, Петр обернулся на школу в глубине заснеженного сада. Проплыл его дом, где хозяйничали чужие и где ничего было не жаль.

— Куда мы? — за селом Татьяна смотрела в хмурые поля, где теперь ей чудилось недоброе.

- В город.

- Как? Нам же надо уезжать.

Петр молчал.

- Останови! Открой, я не поеду!

- Я отвезу тебя родителям и уеду, — Петр не замедлил ход. — Так надо.

— Ты с ума сошел. Я не вернусь! Лучше здесь оставь! Как он оставил. И уезжай! Ты не знаешь, что это за люди. Я от них пряталась всю жизнь, отца посылала с его замашками, в учителя назло ему пошла, а потом только полюбила школу... а ты теперь меня к ним и отправляешь!

— Что за ерунда! — вдруг зло крикнул Петр. — Ты чего себе надумала! Чтопустишь-ся со мной в бега? Ты где набралась этой ерунды? Детский лепет. В учителя она пошла, народ просвещать. Сопливая избалованная девчонка. Что ты видела, кроме своей напудренной жизни?

Татьяна затихла, отошла в салон и села, будто говоря: делай что хочешь. Откуда ни жди поднялся ветер, и повалил снег, кружа вьюгу. Петр включил размашистые дворники.

Мелькнул знакомый поворот.

- Где-то здесь ты меня подобрал? — Татьяна оглядывала снежное пространство.

— Да. Только съезд на Воронью пустошь совсем замело.

— Ты не спросил, как я здесь очутилась.

Петр только пожал плечами.

— Это он меня выкинул из машины.

— Князев?

— Он тогда забрал меня из Садов, от надомника, куда вы меня завезли. Вроде как ухаживал за мной. Планы у него на меня, говорил. Друг детства, как же, — усмехнулась она. — Остановил тут, начал... Не дала ублюдку, он и выкинул меня.

За поворотом дорогу перегородили несколько машин. Петр дал по тормозам.

— Что это? — еще не поняв, спросила Татьяна.

На обочине стоял большой красный джип.

— Не успел отвезти тебя.

К автобусу бежали двое в натянутых на глаза шапках. Дернули водительскую дверь.

— Выходи!

Петра выволокли наружу, повалили и стали избивать ногами.

— Нет, стойте! — Татьяна ударила в закрытую дверь.

Подошел Князев в дорогом бежевом пальто. Лицо его было опухшее, с большими синяками под глазами.

— Дверь ей откройте!

Один из бойцов залез в кабину и нажал кнопку. Татьяна выбежала наружу, рванулась к Петру. Князев схватил ее.

— Что ты творишь! Ты дурак совсем! — крикнула она.

— Ступай в машину, тебя отвезут, — указал Князев на джип.

— Отпусти его.

— Быстро в машину, — прошипел он.

— Никуда я не поеду.

— Езжай, — прохрипел от земли Петр.

— Отпусти его, он не виноват!

Князев тряхнул ее и притянул к себе.

— Да, он не виноват. Это ты виновата. У нас все так стройно было, рассчитано. Красивая пара, все, что нужно для будущего. А ты под водилу, как шмара последняя, легла. Все мне испортила.

Он отпустил Татьяну.

— И что теперь с тобой делать?

— Мешок на голову — и в багажник, — прогудел боец с шапкой на глазах.

— Попробуй, — оглянулась Татьяна. — Горло, с..., выгрызу.

Князев улыбнулся Татьяне.

— С характером. За что и выбрал, — и прищурившись: — С нами пойдешь?

— Пойду.

Князев побледнел и зло потряс пальцем перед ее лицом.

— Ну, смотри!

Потом скомандовал бойцам:

— Давай!

Петра скрутили и поволокли. С губ его на снег капала кровь.

Сбоку к Князеву подошел, будто вынырнул из пурги, щуплый, неприметный мужичок.

— Что думаешь?

— Все чисто сделаем, начальник, — мужичок говорил сиплым и детским голосом. — Тут рядом, пройти маленько надоть. Бабу только не бери, начальник, нехорошо.

Князев оглянулся на Татьяну.

— Пускай идет, сама напросилась, — зло улыбнулся он. — Ее рук дело, будет ей.

Князев отобрал двух бойцов, кивнул мужичку.

— Пойдем, красотуля, — показал тот вперед Татьяне.

Закрываясь от метели и буровя снег, они двинулись по заметенной тропе. Впереди дорогу показывал шуплый мужичок, за ним двое бугаев тащили Петра, последними шли Князев с Татьяной. Спустились в старый карьер. По сторонам выросли насыпные горы и заросшие балки. Метель вошла в силу, закручивала, заворачивала вольные снега.

— Где мы? — крикнул через ветер Князев.

— Местные кличут Вороньей пустошью, — щурясь от метели, из-за ворота телогрейки ответил мужичок. — Тихое место, хорошее. От глаз подальше.

— Тихое? — Князев морщился на метель. — Здесь?

— Можно и здесь, начальник, — хозяйски осматривался мужичок, снимая рукавицы. Один из бойцов ударил Петра по ногам, и тот упал.

— Поднимите, поднимите, — Князев подошел к Петру. — Не надо тут жертву изображать.

Князев присел к Петру и прямо посмотрел на него.

— Ты голубем сидеть у меня не будешь. Я про тебя знаю. Пусть и она знает, — он показал на Татьяну, — что тебе дел наворочено. Почему ты приехал сюда и от кого сбежал. Так что каждому свое, Петр Сергеич.

— Не надо! — Татьяна еле шевелила смерзшимися губами. — Что ты хочешь? Тебе я нужна?

— Уже не нужна. Ты все испортила, — отмахнулся парень и посмотрел на шуплого мужичка. — Давай.

Татьяна вдруг выхватила из-под куртки маленький кухонный нож и бросилась на Князева. Мужичок резким, наученным движением сбил ее с ног.

— Дура! Ты совсем рехнулась? И тебя в расход? — обернулся на нее Князев.

Татьяна лежала на снегу, по ее лицу расплзался мокрый снег. Густо кружила вьюга, неудержимая в диковинной пляске. Что-то мелькало в темноте, завывало; через шум в голове Петру слышался хохот и буйство одичалого колдовства.

— Хватит! Хватит! Сколько можно! — Князев обернулся к мужичку. — Давай ты сам, что ли. Только быстро.

— Уговор другой был начальник. Ты сам хотел. Если я, плата вдвое, — мужичок с хитрецей глядел на Князева.

— А, ну тебя! — крикнул Князев. — Я сам!

Мужичок вытащил из-за пазухи пистолет и передал ему.

— Как тут? — у Князева не получалось передернуть затвор. — Пальцы замерзли.

— Сильнее тяни, сильнее, начальник.

— Предохранитель где? — бесился Князев. — Ага, вот.

Он поднял пистолет на Петра. С силой ударила вьюга. Огромный белый волк в один прыжок бросился на Князева, повалил и разорвал ему горло. Из метели выскочила стая волков и кинулась на бойцов. С диким криком они барахтались в снегу, отбиваясь. Мужичок выхватил нож, но волки вцепились ему в лицо, схватили за руки. Татьяна оглядывалась в страхе и через метель слышала крики, слышала, как звери раздирают тела. Петр озирался по сторонам.

Когда все кончилось, белый волк вышел к Татьяне и долго смотрел на нее. Глаза зверя горели, как угли в жаровне. Татьяна вспомнила, как замерзала в метели. Она уже не могла пошевелиться, когда из темноты надвинулось что-то большое и белое, прижалось к ней и согрело своим теплом. А после скрылось в ночи, рассеянное светом фар.

Волки отошли в пургу. Окровавленный снег и тела убитых быстро заметало.

Татьяна подошла к Петру, помогла ему встать.

— Нужно уходить.

Петр сделал пару шагов и остановился, схватившись за грудь. Он скривился от боли и едва не упал.

Вдруг из темноты зазвенели колокольчики. Навстречу выехали большие резные сани, запряженные волками. Маленький, крепкий на вид старичок с густой бородой, в расхлестанной ушанке и овчинном тулупе хитро поглядывал из-под косматых бровей.

— Что, сердешные, застряли в сугробах? Залезайте, нечего тут высиживать, — говорил он гулко и бархатно; слова его без усилия звучали в метели.

Татьяна, не понимая и лишь делая как нужно, обхватила Петра. Они с трудом дошли до саней и упали в них. Татьяна подтащила к себе Петра, положив его голову себе на колени. Сани взяли с места.

— Эхма, замечает, — хмыкнул старичок в бороду. — Разошлись шаловливые не на шутку. То — по особым напастям! Наполеон пожаловал — ранние холода. Немчура заявила — дубовые морозы. Как там? Остервенение народа, зима... Было у паренька там еще что...

— Вы у меня тогда оставили, — Петр достал блестящие металлом часы.

— Ну, это дело прошлое, — снова хмыкнул старичок.

Земля скрылась, и осталась одна метель. Кружила, завывала, буйная и густоснежная. Сани словно летели. Лежа у Татьяны на коленях, Петр видел, как в небе мелькает лихая нечисть, тешит шабаш в снеговых столбах. Он повернул голову. Рядом несся огромный белый волк. Стая бежала вместе с санями. По сторонам выплывали поросшие кустами насыпи и черные провалы карьеров. Потом земля исчезла. Из вьюги вылетали ряженные ведьмы на метлах, играли и куражились в небе. Шерудя толстыми белыми косами, словно разъяря вьюгу, молодая и краснощекая в горячности девушка озорно подмигнула Петру. Погуживая что-то в бороду, старичок глядел вперед. Сани шли ровно и мягко, без тряски по ухабам, словно впервые Петр ехал по добротно обустроенной, ровной дороге.